

УДК 25+2-77+93“18”

DOI: 10.24412/2224-5391-2021-34-214-231

А. В. Дружинин

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ В НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ СОГЛАСНО МНЕНИЯМ УЧЕНОГО ДУХОВЕНСТВА (1837–1840 гг.)*

Аннотация. В статье рассматривается один из наименее изученных эпизодов в истории пастырской подготовки в России — подготовительный этап преобразований духовно-учебной системы 1830–1840-х гг. Цель исследования — выявление перечня задач духовной школы согласно представлениям ученого духовенства эпохи, в их взаимосвязи с преподаваемым богословским курсом. Актуальность исследования обуславливается дискуссионностью вопроса о предназначении духовной школы: вопрос, кого и как в конечном счете должна готовить духовная школа стоит сегодня столь же остро, как и в рассматриваемый период. Училищным Уставом 1814 г. были заложены две идеи — подготовка служителей Церкви и образование детей духовенства. Заложенная коллизия приводит к размытости цели духовного образования. Преобразования, инициированные графом Н. А. Протасовым в 1837 г., во многом определили образ духовной школы в николаевскую эпоху, а также направления дискуссий 1860-х гг. При этом в большинстве имеющихся исследований исторические явления и процессы оказываются вырваны из интеллектуального контекста эпохи, что обуславливает необходимость проведения исследования с учетом широкого круга источников. Так, в рамках статьи обобщены результаты изучения «конспектов богословского учения» ректоров духовных семинарий, составленных в контексте духовно-учебных преобразований 1837–1840 гг. Представляемые источники содержат рефлексию современниками проблем духовного образования, проекты их решения, тем самым отражая интеллектуальный контекст эпохи перед началом преобразований. Предлагаемые ректорами проекты преобразования духовных семинарий впервые начинают исходить из подготовки пастыря как главной цели духовного образования. В результате исследования был выявлен ряд различных концепций понимания образа пастыря, сформированных средой ученого духовенства. Невозможность примирить эти концепции между собой в конечном итоге привела к непоследовательным преобразованиям, отягощению учебного курса и затем — к масштабной критике результатов протасовских реформ в историографии.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90062.

Ключевые слова: *российская духовная школа, пастырская подготовка, пастырское богословие, история Русской Православной Церкви.*

Цитирование. Дружинин А. В. Предназначение духовной школы в николаевской России согласно мнениям ученого духовенства (1837–1840 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 34. С. 214–231. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-34-214-231

Сведения об авторе. Дружинин Андрей Владимирович — преподаватель-исследователь по направлению, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории богословия и богословского образования богословского факультета ПСТГУ (Россия, г. Москва). E-mail: *andr.pstbi@gmail.com*

Поступила в редакцию 13.07.2020

Принята к публикации 15.09.2020

Реформа 1808–1814 гг., сформировавшая централизованную систему духовных школ, как и последовавшая за ней эпоха Устава 1814 г. во многом сформировали традиционный образ духовного образования в России. При этом наибольший эффект для развития пастырской подготовки имели процессы, происходившие в рамках т. н. «прикровенного периода»¹ развития богословия 1830–1840-х гг. С одной стороны, именно в 1830-х гг. на первый план выходит идея пастырски ориентированного образования в семинариях и академиях. С другой, вплоть до нашего времени результаты преобразований оцениваются преимущественно негативно, инициатива обычно связывается с утилитарными целями правительства, и большое число работ указывает на несоответствие духовной школы XIX в. целям пастырской подготовки². При этом на текущий момент отсутствуют фундаментальные труды, посвященные взаимосвязи осмысления пастырства (пасторологии) и содержания учебного процесса в духовной школе этого периода³.

¹ См.: *Сухова Н. Ю.* Прикровенный период развития исторических методов в литургике (1810–1860-е гг.) // Церковь. Богословие. История: Мат-лы V Междунар. научн.-богосл. конф. (Екатеринбург, 2–4 февраля 2017 г.). С. 263–269.

² См., напр.: *Ростиславов Д. И.* Петербургская духовная академия при графе Протасове // Вестник Европы. 1873. № 7. С. 121–187; *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 2: Протасовская эпоха и реформы 60-х годов. Вильна, 1909; и пр.

³ В церковно-исторической науке в настоящий момент духовно-учебные преобразования графа Н. А. Протасова остаются наименее исследованным эпизодом истории духовных школ в XIX в. Немногочисленная дореволюционная историография несвободна от тенденциозных и далеко не всегда адекватных оценок эпохи. Так, в историографии практическая ориентация богословия до 1860-х гг. зачастую связывается не с заслугами графа или внутренними процессами 1830-х гг., но с почти спонтанным появлением курсов пастырского богословия в 1850-х гг. Однако очевидно, что сами курсы — отголосок результатов работы одного из «протасовских» комитетов 1840–1847 гг. (см., напр.: *Дьяконов К. П.* Духовные школы в царствование императора Николая I-го. Сергиев

Из-за этого современному исследователю приходится опираться на поверхностную либо устаревшую историографию, а также упускать большинство ключевых источников. При этом в последнее время отмечается особый интерес к истории пастырского богословия и пастырской подготовки со стороны молодых исследователей, однако данная тема находится в начальной стадии разработки⁴.

При этом до сих пор в исследованиях не затронут вопрос о трансформации понимания роли духовной школы в богословском осмыслении и подготовке пастыря в 1-й половине XIX в. В связи с этим предлагается рассмотреть один из наименее изученных этапов развития духовной школы в XIX в. — начало реформ, известных как «протасовские» преобразования 1830–1840-х гг. Цель настоящей статьи — характеристика роли духовной школы в подготовке пастыря, сложившаяся в среде ученого духовенства. Для этого необходимо решить ряд задач, регламентирующих структуру статьи:

– изучить церковно-исторический и идейно-богословский контексты, в рамках которых были составлены данные источники;

Посад, 1907). В XX в. можно отметить фундаментальный труд И. К. Смолича, которому, однако, были недоступны архивные источники (*Смолич И. К. История Русской Церкви 1700–1917 гг. М., 1996*). Среди современных исследователей: *Федорук В. Н. Реформа духовно-учебных заведений при обер-прокуроре Н. А. Протасове // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 2. С. 176–181*. Среди дореволюционных богословских исследований можно выделить, пожалуй, только А. Н. Котовича (*Котович А. Н. Черты и условия развития русской богословской мысли в эпоху Николая I // Христианское чтение. 1906. № 11. С. 644–668*). В исследованиях по пастырскому богословию основные исторические сведения сосредоточены в работе архим. Иннокентия (Пустынского), написанной в конце XIX в., которая негативно оценивается самим автором (*Иннокентий (Пустынский), архим. Пастырское богословие в России за XIX век. Сергиев Посад, 1899*). При этом большинство работ XX–XXI вв., как правило, ничего не добавляют к истории пастырского богословия по сравнению с данной. Исключение составляют работы Н. Ю. Суховой и прот. П. В. Хондзинского (*Сухова Н. Ю., Хондзинский П. В. иер. Пастырское богословие в системе дореволюционного духовного образования на примере Московской духовной академии // Богословский вестник. 2010. № 11/12. С. 291–341; Сухова Н. Ю. Практическое богословие в российских духовных академиях — проблема понимания и сложности развития (XIX — начало XX в.) // Вертоград наук духовный. Сб. ст. по истории высшего духовного образования в России XIX — начала XX вв. М., 2007. С. 244–275*). Специальные же работы, рассматривающие развитие богословского курса духовных школ в первые десятилетия действия Устава 1814 г., практически отсутствуют.

⁴ Так, об этом интересе свидетельствуют квалификационные работы выпускников бакалавриата и магистратуры, публикации аспирантов: *Алексин К. В. Ускользающий священник: трансформация нормативного курса РПЦ о пресвитерском служении // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2017. № 24. С. 136–169; Гришин М. Реформа средних духовно-учебных заведений во второй четверти XIX века / Выпускная квалификационная работа магистра. М.: ПСТГУ, 2017; Лютыко Е. И., диак. Понятие «филаретовское духовенство» в контексте развития пастырского богословия в России на рубеже XIX–XX вв. // Филаретовский альманах. 2019. Вып. 15. С. 43–60; Черный А. И. Преемство традиции пастырского служения в святоотеческом богословии: Димитрий Ростовский, Тихон Задонский, Филарет Московский // Там же. С. 7–20; и пр.*

– охарактеризовать состояние источниковой базы эпохи с учетом вновь обнаруженных документов;

– изучить ряд учебно-богословских проектов периода — «конспектов богословских наук», составленных ректорами всех семинарий в 1837–1838 гг. — с точки зрения наличия/отсутствия в них концептуализации пастырской подготовки;

– провести сравнительный анализ двух наиболее полных и богословски продуманных проектов из числа предложенных ректорами семинарий.

1. До конца XVIII в. завершение образования в богословском классе продолжало оставаться необязательным для рукоположения⁵. К решению данной проблемы во многом была призвана духовно-учебная реформа 1808–1814 г., основные положения и идеи которой были отражены в окончательном варианте Устава духовных училищ 1814 г.⁶ В идейно-богословском контексте результатом реформы становится закрепление нескольких идей духовно-учебной системы, среди которых можно выделить теоретико-богословские (научная подготовка и развитие богословия) и церковно-практические (воспитание просвещенного юношества и подготовка служителей Церкви). Последовавшая вплоть до 1860-х гг. эпоха Устава 1814 г. характеризуется постоянным уточнением приоритетов духовной школы.

Идея о подготовке духовенства была сформулирована в рамках Устава нечетко. Само упоминание о священнике в Уставе встречается лишь в контексте понятия «служитель слова Божия», которое может трактоваться неоднозначно⁷. Во многом это связано с тем, что в рамках реформы 1808–1814 гг. так и не удалось преодолеть соединение сословной общеобразовательной школы и учреждения для подготовки священно-церковнослужителей. Сам Устав 1814 г. определяет содержание богословия, преподаваемого в духовных школах, лишь в общих чертах. Поэтому редактором последней итерации Устава архим. Филаретом (Дроздовым) был предложен детализированный конспект богослов-

⁵ Сухова Н. Ю. Духовно-учебная реформа 1808–1814 гг. и становление высшей духовной школы в России // Вертоград наук духовный... С. 8; Кислова Е. И. "Latin" and "Slavonic" Education in the Primary Classes of Russian Seminaries in the 18th Century // Slověne= Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2015. Т. 4, № 2. Р. 72–91; Freeze G. L. The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Harvard University Press, 1977.

⁶ Устав православных духовных училищ, высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1814. Т. XXXII. № 25.673. С. 910–954.

⁷ Сухова Н. Ю. Служитель Слова Божия в научно-образовательном пространстве и в жизни Церкви: опыт российской духовной школы XIX — начала XX в. // Евангелие в контексте современной культуры: Мат-лы IV Междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 200-летию митр. Московского и Коломенского Макария (Булгакова) и 140-летию НИУ «БелГУ» (Белгород, 19–20 мая 2016 г.): в 2 ч. Ч. 1. Белгород, 2016. С. 309–316.

ских наук, предписанный КДУ в качестве нормативного академического курса⁸. В нем свт. Филарет имплицитно призывает к практико-ориентированному богословию, хотя еще нечетко выделяет для этого круг дисциплин.

Богословский курс семинарий не был так четко детализирован, как курс академий⁹. Во многом он определялся дополнительным распоряжением КДУ, подписанным князем А. Н. Голицыным в 1814 г.¹⁰ В этом распоряжении в отличие от Устава 1814 г.¹¹ четче определена цель семинарии — подготовка пастыря Церкви. Однако она выглядит вторичной по отношению к другой цели — подготовке к поступлению в академии¹².

Таким образом, школа нуждалась в богословском осмыслении пастырского служения, выработке ответа на вопрос, кто есть пастырь Церкви во вневременном контексте, чтобы затем выстроить учебный процесс. В качестве поля для осмысления свт. Филаретом была заложена в академический курс новая дисциплина «*theologia pastoralis*». Модель пастырского богословия свт. Филарета стала синтезом вариантов предыдущей эпохи — выделение вслед за архим. Феофилактом (Горским) «*officii pastoralis*» в рамках «*деятельного богословия*», которое тот подготовил на основе работы протестантского богослова нач. XVIII в. И. Буддея¹³. Вместе с тем, согласно третним отчетам профессорско-преподавательского состава, пастырское богословие не преподается в академиях вплоть до 1833–1834 гг.¹⁴

⁸ О рассылке в новообразованные академии и семинарии расписаний учебных часов, составленных ректором СПб. академии архимандритом Филаретом // РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1214.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Правление МДА. Дело об учебном расписании для МДА и подведомственных семинарий 1814 г. // НИОР РГБ. Ф. 172. Оп. 2. К. 88. Д. 1.

¹¹ Ср.: Устав православных духовных училищ... 1814 г. С. 910. § 2.

¹² РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1214. Л. 3. При этом данная отсылка к пастырю кажется скорее формальной, т. к. очевидно, что описываемый далее курс представляет механическую переработку конспекта академического. Богословие имеет 4 раздела: герменевтику, созерцательное и деятельное богословие, археологию. Состав богословских наук, по заверению кн. Голицына, исходит из цели обучить юношей, чтобы они могли сами освоить то, что еще может пригодиться к их будущему состоянию, что вносит еще больше неопределенности. Так, для деятельного богословия в качестве классической назначается книга Феофилакта (Горского), при этом замечается, что поскольку «она есть извлечение из нравственного богословия Буддея», то можно обращаться даже к самому протестантскому первоисточнику. В качестве дополнения к нравственному богословию предлагается «читать под руководством профессора книгу о должностях пресвитеров», и то только «в случае завершения классического автора». При этом сам метод преподавания данного раздела предписывается тот же, что и в схоластичном богословии созерцательном.

¹³ *Buddeus J. F. Institutiones theologiae moralis, variis observationibus illustratae*. Lipsiae: T. Fritsch, 1727.

¹⁴ Дело о производстве испытаний студентов МДА по окончании учебного курса и о возведении студентов высшего отделения в степени магистров и кандидатов // НИОР РГБ. Ф. 172. Оп. 1.

К середине 1820-х гг. выходит множество дополнительных предписаний к Уставу¹⁵, отчасти содержательных¹⁶, но в целом никак не уточняющих его в концептуальном плане. В это же время предпринимаются первые попытки пересмотра Устава¹⁷, которые также ни к чему не приводят. С воцарением Николая I все больше внимания обращается на положение и подготовку духовенства со стороны правительства¹⁸. В этот же период ключевую роль играет инициатива отдельных личностей, а не централизованных учреждений. При поддержке свт. Филарета, одного из ключевых участников заключительного этапа реформы, издаются семинарские лекции по нравственному богословию на русском языке¹⁹; в отчетах духовных школ прослеживается переход на отечественный язык преподавания. Деятели духовно-учебной среды составляется ряд проектов, посвященных подготовке пастырей²⁰. Однако параллельно этому процессу члены Комиссии духовных училищ — митр. Евгений (Болховитинов) и Серафим (Глаголевский)²¹ — разворачивают охранительную тенденцию, что воспринималось свт. Филаретом как отказ от достигнутых результатов²². Таким образом, к середине 1830-х гг. очевидно формирование нескольких направлений понимания задач духовной школы.

К. 5. Д. 19. Л. 48.

¹⁵ Сборник постановлений бывшей КДУ, состоявшихся в дополнение и объяснение духовно-училищных уставов // РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 6; Комиссия духовных училищ. Предписания Правлению МДА 1819–1838 // НИОР РГБ. Ф. 172. Оп. 2. К. 140. Д. 2.

¹⁶ Предписание КДУ о разрешении преподавания богословия на латинском и русском языках 1819 г. // Центральный государственный архив г. Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. (ЦГА Москвы ОХД до 1917 г.). Ф. 229. Оп. 2. Д. 1481.

¹⁷ О напечатании вновь училищных уставов и о поручении епископу Григорию пересмотреть оные 1823 г. // РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 3399.

¹⁸ Правление МДА. Дело с предписанием Комиссий д[уховных] училищ «о надзоре за нравственным расположением воспитанников МДА», 1826 г. // НИОР РГБ. Ф. 172. Оп. 2. К. 99. Д. 9.

¹⁹ О рассмотрении сочинения священника Иоакима Кочетова «Черты деятельного учения веры», 1824 г. // РГИА. Ф. 807. Оп. 1. Д. 124.

²⁰ По записке Московского митрополита Филарета с приложением письма к нему и мыслей архимандрита Макария об улучшении общественного воспитания в духовном звании // РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 13005; О мерах к усилению надзора за нравственностью воспитанников от 1.05.1830 г. // НИОР РГБ. Ф. 172. Оп. 2. К. 140. Д. 1. Л. 4–5.

²¹ Предписание о преподавании уроков в духовных академиях по книгам, назначенным от КДУ, 1825 г. // НИОР РГБ. Ф. 172. Оп. 2. К. 140. Д. 2. Л. 105–107.

²² *Сухова Н. Ю.* Духовно-учебная реформа 1808–1814 гг. и становление высшей духовной школы в России // *Вертоград наук духовный...* С. 18. Так, выступая за старые порядки, КДУ требует не вводить новых книг, тем самым на время парализуя учебно-методическую работу и свободу богословской мысли в академиях. Откладывалось решение вопросов о приближении богословия к решению церковно-практических задач. Например, еще на десятилетие основным языком преподавания остается латынь. В конспектах и отчетах духовных академий 1825–1830 гг. вновь

В этой связи вступление в 1836 г. в должность обер-прокурора графа Н. А. Протасова частью членов Синода было воспринято положительно — его личность ассоциировалась с возможностью укрепить охранительные инициативы. Однако реальность не оправдала эти чаяния. По мнению самого графа, сложившаяся в первые десятилетия действия Устава 1814 г. система не позволяла воспитать пастыря Церкви, способного решать церковно-практические задачи²³. Таким образом, спустя несколько месяцев после своего назначения граф Протасов принимается за реформу духовно-учебной системы.

Согласно первоначальному проекту, преобразования должны были затронуть среднюю и высшую ступень духовной школы во всех аспектах («частях управления»): воспитательном, учебном, административно-хозяйственном и научно-богословском. Планировалось полностью пересмотреть Устав семинарий и академий. Довольно быстро удалось принять новые штаты духовных академий²⁴, поддерживаемые свт. Филаретом еще с конца 1820-х гг.²⁵ Однако по ряду причин к концу первого этапа работ было принято решение сократить масштаб проекта и ограничиться только реформой учебной части семинарий²⁶. В то же время целью этих преобразований повсеместно было заявлено «приближение школы к главной цели — подготовке пастыря Церкви»²⁷. Однако в богословской составляющей учебного процесса граф, по его же признанию, был слаб²⁸. По большей части его высказывания о необходимом для пастыря богословском куррикулуме ограничивались заявлениями в духе антипротестантского пафоса, что требовало от него учитывать мнения ученого духовенства и искать в этой среде своих единомышленников.

2. С целью выработки богословской концепции преобразований, в рамках первого этапа графом была предпринята инициатива по сбору конспектов «бо-

виден возврат к латыни (напр.: ЦГАМ ОХД. Ф. 229. Оп. 1. Д. 366. Л. 93 об.), несмотря на призывы святителя Филарета от нее отказаться (ОР РНБ. Ф. 573. Оп. 2. Ч. I. Д. 964. Л. 61).

²³ Мысли о настоящем состоянии духовного отечественного образования и о том, что можно сделать для его усовершенствования // РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 4. Л. 2.

²⁴ Училищные штаты — приложение к училищному Уставу, устанавливающее систему окладов и бюджет учебных заведений на основные нужды.

²⁵ Об утверждении новых штатов для духовных учебных заведений, 1836 г. // Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 277. Оп. 1. Д. 1740.

²⁶ О вызове в С.-Петербург для пересмотра уставов духовных училищ ректора Вятской семинарии архим. Никодима и о назначении ему столовых денег // РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10506. Л. 16.

²⁷ В подтверждение приводились непрестанные жалобы епархиальных архиереев, что «воспитанники семинарий, выдержав множество экзаменов в школе, получив степень перворазрядного воспитанника, не могут потом при поступлении в звание священника выдержать с честью краткого и простого ставленнического экзамена, который иногда довольно успешно выдерживают неученые в школах церковники» (Мысли // РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 4. Л. 2–3).

²⁸ О Филарете, митрополите Московском, моя память. Записки Никодима, епископа Красноярского // ЧОИДР. 1877. Кн. 2. Отд. II. С. 38.

гословского учения» от ректоров всех семинарий и академий, проведенная через КДУ²⁹ в 1837 г.³⁰ Поскольку большинство источников эпохи сохранилось только в архивах³¹, долгое время считалось, что эти конспекты утрачены³². Однако например в фонде канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода³³ и в фонде К. С. Сербиновича³⁴ РГИА удалось обнаружить 5 экземпляров Устава с пометками светских и духовных лиц, при этом в последнем удается идентифицировать замечания свт. Филарета (Дроздова). На сегодня также удалось обнаружить 23 конспекта ректоров семинарий в № 834 фонде Рукописей Синода РГИА³⁵, что позволяет ввести эти источники в научный оборот и впервые рассмотреть их подробно.

²⁹ Духовно-учебное управление при Святейшем Синоде с 1839 г. заменило собой КДУ, большая часть функций которой была передана непосредственно Синоду.

³⁰ Об учреждении при конференции СПбДА комитета для пересмотра учебных книг по классу богословия и о поручении ректорам семинарии и академии прислать конспекты по преподаванию богословия // РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 9859. Л. 3–3 об.

³¹ Так, известны базовые дела, в которых содержится коммуникация первого Комитета с КДУ (РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 9859) и второго Комитета с ДУУ и Синодом (Об устройстве Комитета для рассмотрения конспектов о преподавании учебных предметов в семинариях // РГИА. Ф. 802. Оп. 2. Д. 1553). Известны также записки, выработанные в процессе работы комитетов разными лицами (ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 925; РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 11039), которые до сих пор не полностью введены в научный оборот. Промежуточные результаты работы комитетов разрозненно хранятся в фондах РГИА (напр.: Отчет Комитета, учрежденного для рассмотрения конспектов семинарского учения за январь — февраль, 3.04.1844 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 125. Д. 527). Итоговые результаты работы первого Комитета представлены постановлением КДУ о правилах по дальнейшему реформированию 1838 г. (ОР РНБ. Ф. 573. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1011. Р. 1. Л. 4–11; НИОР РГБ. Ф. 316. К. 66. Д. 16; РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 671. Л. 52–57), а результаты второго отражены в правилах о преобразовании учебной части с новым расписанием часов, утвержденных Синодом в качестве компромисса (сохранилось во множестве экземпляров; напр.: ОР РНБ. Ф. 573. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1011. Р. 1. Л. 12–20; ГА РФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 663; НИОР РГБ. Ф. 172. Оп. 1. К. 9. Д. 10; РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 671. Л. 13–27). Однако до сих пор неизвестна и судьба журналов обоих комитетов, помимо двух (ОР РНБ. Ф. 573. Оп. 2. Ч. 1. Д. 1010, 1011).

³² Напр., Б. В. Титлинов крайне редко обращался в своих работах к источникам, тем не менее имел доступ к дореволюционным архивам. Однако уже он отмечал, что ни конспекты, ни проекты уставов, составленные архим. Никодимом, недоступны (*Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 2. С. 8*).

³³ Черновые проекты уставов духовных семинарий и училищ // РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 5.

³⁴ Проект Устава семинарий (с поправками Сербиновича К. С.) (черновик) // РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 703.

³⁵ Конспекты богословского учения, составленные ректорами семинарий, хранятся в: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2323–2345. Исходя из материалов Комитета 1838 г., общая численность конспектов равна примерно 42 (39 ректоров семинарий и 3 — академий). Однако далеко не все конспекты были получены вовремя, а многие, вследствие частой перемены преподавателей, рукоположения ректоров и прочих проблем, не были присланы вовсе. Таким образом, можно свидетельствовать, что мы обладаем более чем половиной всех присланных конспектов, что является достаточным для формирования обоснованных выводов.

Несмотря на четкое предписание КДУ конспекты не были составлены по единому образцу. Разброс по объему составляет от 10 до 170 листов, что отражает меру усердия каждого автора. Так, по свидетельству архим. Никодима (Казанцева), большинство конспектов было «простым перечислением» заголовков читавшихся в семинариях наук. Однако ряд конспектов представляет собой подробное рассуждение о проблемах семинарского образования. Можно реконструировать состав вопросов, о которых высказываются ректоры:

1. Цель образования в семинариях;
2. Цель богословского учения в семинарском образовании;
3. Необходимость богословия в служении пастыря;
4. Структура учебного курса по богословию;
5. Замечания о каждой дисциплине в отдельности;
6. Приложения: о распределении курсов по расписанию и объему часов, о методе преподавания богословского учения, классических и вспомогательных книгах.

Хотя данный перечень несколько шире требований КДУ к конспектам, большинство их не содержат рассуждений о цели семинарского образования либо лишь формально воспроизводят тезисы официальных постановлений. В связи с этим не все конспекты можно рассматривать как выражение личного взгляда автора на духовную школу и подготовку пастыря. Вполне вероятно, что задание КДУ воспринималось как очередная проверка. На эту мысль наводит частое упоминание книг³⁶, незадолго до отчета рекомендованных КДУ для вспомогательного употребления³⁷. Некоторые же авторы отмечают, что конспект составлен лишь поскольку был требован КДУ³⁸.

Тем не менее, анализ наиболее часто отмечаемых ректорами проблем позволяет выявить ряд идей в среде ученого духовенства. Так, например, цель духовной семинарии понимается ими двояко: подготовка служителей³⁹ или священнослужителей и пастырей Церкви⁴⁰, либо — подготовка воспитанников к поступлению в духовные академии⁴¹.

³⁶ Наставление священнику относительно заблуждающих от истины веры. СПб., 1835; Наставление священнику относительно отпадших от Церкви в секту молоканскую М., 1836.

³⁷ Предписание КДУ о рассылке сочинения «Наставление священнику относительно заблуждающих от истинной веры» в духовно-учебные округа и употреблению при преподавании пастырского богословия 1836 г. // НИОР РГБ. Ф. 172. Оп. 2. К. 140. Д. 1. Л. 52; Правление МДА. Дело «о распространении Комиссией духовных училищ «Наставления священнику, относительно отпадших от Церкви в молоканскую секту» в качестве пособия для духовных академий и семинарий», 1836 г. // НИОР РГБ. Ф. 172. Оп. 2. К. 105. Д. 5.

³⁸ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2343.

³⁹ Там же. Д. 2327.

⁴⁰ Там же. Д. 2329.

⁴¹ Там же. Д. 2328.

3. Что касается осмысления образа пастыря, почти во всех конспектах оно заложено в курсе пастырского богословия. Пастырское богословие присутствует в различных видах практически во всех конспектах, кроме, пожалуй, харьковского коллегіума. Преподаватели курса продолжают осмыслять образ пастыря через перечень обязанностей из конспекта свт. Филарета (Дроздова) 1814 г. Во многом такую структуру задавали доступные книги, на которые, за неимением времени, приходилось опираться наставнику. Столь формальный подход негативно сказывался на мотивации воспитанников к служению и пониманию цели образования. Многие из них впоследствии вспоминают о пастырском богословии этого периода с однозначным недоумением⁴². Поэтому в рамках характеристики различных направлений пасторологической мысли хотелось бы сосредоточиться на двух оригинальных проектах, ярко выражающих оппонирующие концепции: ректора Вятской семинарии архим. Никодима (Казанцева)⁴³ и ректора Подольской семинарии архим. Нафанаила (Савченко)⁴⁴. И тот, и другой обратили на себя внимание правительства, что делает рассмотрение их взгляда на место и содержание пастырского богословия в духовной школе тем более интересным. Так, первый был вызван в Петербург для составления проекта нового Устава⁴⁵, а второй упоминается в аналитической записке, составленной чиновниками канцелярии обер-прокурора⁴⁶.

Оба проекта имеют пастырский пафос, однако авторы исходят из противоположных точек зрения на школьное богословие и пастырскую подготовку. Так, архим. Никодим, следуя митр. Филарету (Дроздову), которого, по его словам, искренне почитает, в качестве неотъемлемого условия становления будущего пастыря полагает богословский энциклопедизм. Пастырское содержание богословия у него не связано с отдельной дисциплиной, а раздел о пастырских обязанностях не акцентирован. Оригинальность концепции заключается в выделении из богословия особого вида наук — церковных дисциплин. Через учение о Церкви во многом определяется и роль пастыря: как Церковь «получила от Христа чрез апостолов три коренные права: 1) учить; 2) совершать таинства; 3) управлять христианами», так и выполнять эти функции вправе лишь «званные от Бога» и посвященные в священный сан⁴⁷. С другой стороны,

⁴² См., напр.: *Казанский П. С.* Новые проблемы духовной школы и пути их решения в середине XIX в.: аналитическая записка профессора духовной академии / публ., вступ. ст. и прим. А. В. Дружинина, Н. Ю. Суховой // *Русское богословие: исследование и материалы.* М., 2020. С. 5–48.

⁴³ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2324.

⁴⁴ Там же. Д. 2339.

⁴⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 10506.

⁴⁶ Заметки Сербиновича К. С. о состоянии духовного образования в России (черновики) // РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 670. Л. 5.

⁴⁷ В архивном конспекте присутствует и упомянутая в историографии критика. Владыкой от-

отдельные части богословского курса выстраиваются исходя из того, зачем они нужны пастырю.

Архим. Нафанаил тоже имел пастырский пафос в формулировке своей концепции, однако его понимание образа пастыря и, соответственно, принципов подготовки кардинально отличалось. Он предлагал вообще все богословие рассматривать как пастырское, таким образом значительно расширяя его понимание. Каждую область он так и называл: богословие пастырское созерцательное и т. д. Существующее же богословие с присущим ему энциклопедизмом, по его мнению, не соответствует цели подготовки пастырей. Главным недостатком богословия было «пристрастие к наукам человеческим от рационального способа суждения и употребления истин богословских». Воспитанникам, по его мнению, навязывалась «изысканная ученость», которая приносила более вреда, не позволяя подробно изучать необходимые практические дисциплины. Изучение же академического богословия для будущего пастыря приносит тоже вред, т. к. изучается то, о чем «вообще лучше молчать, чем говорить пред юными умами». В итоге из семинарского курса нужно изъять особенности курса академического:

- 1) «богословие фундаментальное», как излишнее философское приложение к собственно богословию;
- 2) сократить полемическую часть богословия, затмевающую действие на учеников чистого православного учения;
- 3) не допускать критических и филологических методов, отвлекающих внимание воспитанников «попусту»;
- 4) ликвидировать формализм в преподавании богословия, не позволяющий будущим служителям усвоить истины Предания, которые сквозь призму схоластики остаются «совсем непонятны».

В целом очевидны критика архимандритом как раз идей Устава 1814 г. и лично свт. Филарета (Дроздова) и прямое созвучие с некоторыми тезисами графа Протасова об излишнем почитании универсальной учености, удаляющей духовенство от народа. Много позже архим. Никодим отзывался об этом проекте крайне критично: для приобретения навыков практических необязательно систематическое образование, достаточно прочесть церковный Устав⁴⁸.

Несмотря на оригинальность пасторологической мысли, судьба двух проектов, как и всего первого опыта «обратной связи» 1837–1838 гг., была в целом неудачной. Граф Протасов согласился вызвать в Петербург избранного свт. Филаретом (Дроздовым) архим. Никодима в качестве компромиссного варианта. Однако очевидно, что Протасову был ближе конспект архим. Нафанаила. Иемечаются сбивчивость в изложении и неприятие некоторых оригинальных идей, того самого выделения церковных наук из собственно богословских. См.: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2324.

⁴⁸ О Филарете, митрополите Московском... С. 37.

рархи Синода не имели единого взгляда, и отзывы митрополитов Московского и Киевского, доступные в их автографах на архивных конспектах, выражают противоположные подходы к пастырской подготовке⁴⁹. При первой же встрече с архим. Никодимом Протасов просил его дать отзыв на конспект архим. Нафанаила, что ожидаемо вылилось в разгромную рецензию и указание на примитивность предлагаемого богословского курса⁵⁰. Таким образом, инициатива графа по сбору конспектов богословия не дала никакого результата для наполнения административных мер богословским содержанием.

Таким образом, можно сказать, что осмысление пастырской составляющей семинарского образования назрело внутри самой духовно-академической среды, для чего идеи графа Н. А. Протасова были лишь внешним стимулом. Осмысление того, кем является пастырь в богословском смысле, опирается на экклезиологические взгляды деятелей духовно-учебной среды, церковных иерархов. В целом эти концепции сводились к следующей оппозиции: с одной стороны — пастырь как образованный оратор, обладающий критическим мышлением и развитым богословским энциклопедизмом, с другой: пастырь — практик, ориентированный на усердное служение Литургии, совершенный в духовной жизни. Однако подобная концептуализация была характерна лишь для тех, кто, во-первых, осознавал целью духовной школы пастырскую подготовку, во-вторых имел собственную позицию относительно образа пастыря и исходя из нее пытался выстроить богословский курс. Поэтому подобное осмысление продолжает отсутствовать в 1830–1840-х гг. в большинстве преподаваемых курсов пастырского богословия.

Дальнейшие шаги по проведению духовно-учебной реформы, очевидно, не были сформулированы на основе общего мнения академической среды. Отсутствие единой позиции членов Синода приводило к необходимости идти на компромисс с различными представителями власти в вопросах содержания пастырской подготовки. Однако отдельные инициативы и концепции были уязвимы как для внутренней, так и для внешней критики, что показывает судьба идей архимандритов Никодима и Нафанаила. Таким образом, духовной школе на рассматриваемом историческом этапе не удалось противопоставить «внешним» участникам преобразований консолидированную позицию по вопросу пастырской подготовки. В этой ситуации любая попытка преобразований духовной школы не достигала бы поставленной цели. Проведенное исследование еще раз свидетельствует, что попытки реформировать духовную школу без учета ее специфики и консолидации мнений духовно-учебной среды обречены на неудачу.

⁴⁹ О Филарете, митрополите Московском... С. 36.

⁵⁰ Там же.

Источники

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1099. Оп. 1. Д. 663, 925.
2. Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1840 год. СПб., 1841.
3. Казанский П. С. Мысли и чувствования митрополита Филарета по делу отобрания литографированного перевода Книг Ветхого Завета // Православное обозрение. 1878. № 3. С. 107–140.
4. Казанский П. С. Новые проблемы духовной школы и пути их решения в середине XIX в.: аналитическая записка профессора духовной академии / публ., вступ. ст. и прим. А. В. Дружинина, Н. Ю. Суховой // Русское богословие: исследование и материалы. М., 2020. С. 5–48.
5. Наставление священнику относительно заблуждающих от истины веры. СПб., 1835.
6. Наставление священнику относительно отпадших от Церкви в секту молоканскую М., 1836.
7. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 172. Оп. 1. К. 5. Д. 19; К. 9. Д. 10; Оп. 2. К. 105. Д. 5; К. 140. Д. 1, 2; К. 88. Д. 1; К. 99. Д. 9.
8. О должностях пресвитеров приходских. 1-е изд. СПб., 1776.
9. О Филарете, митрополите Московском, моя память. Записки Никодима, епископа Красноярского // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1877. Кн. 2. Отд. II. С. 1–116.
10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 573. Оп. 1. Д. А1/82; Оп. 2. Ч. 1. Д. 1010, 1011.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 125. Д. 527; Ф. 797. Оп. 3. Д. 13005; Оп. 87. Д. 4, 5, 6; Ф. 802. Оп. 1. Д. 1214, 9859, 10506, 11039; Оп. 2. Д. 1553; Ф. 807. Оп. 1. Д. 124; Ф. 834. Оп. 3. Д. 2323–2345; Ф. 1661. Оп. 1. Д. 670, 671 703.
12. Устав православных духовных училищ, высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXXII. СПб., 1830. С. 910–954. в
13. Центральный государственный архив г. Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. (ЦГА Москвы ОХД до 1917 г.). Ф. 229. Оп. 1. Д. 256, 366; Оп. 2. Д. 1481.
14. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 277. Оп. 1. Д. 1740.
15. *Buddeus J. F. Institutiones theologiae moralis, variis observationibus illustratae.* Lipsiae, 1727.
16. *Orthodoxae orientalis ecclesiae dogmata, seu doctrina christiana de credendis, usibus eorum, qui studio theologico sese consecrarunt addixeruntque, adornata accomodataque.* Mosquae, 1831.

Литература

1. Алексин К. В. Ускользящий священник: трансформация нормативного дискурса РПЦ о пресвитерском служении // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2017. № 24. С. 136–169.
2. Гришин М. И. Реформа средних духовно-учебных заведений во второй четверти XIX века / Выпускная квалификационная работа магистра. М.: ПСТГУ, 2017.
3. Дружинин А. В. Богословское осмысление пастырской подготовки в период действия Устава духовных училищ 1814 г. (на примере Санкт-Петербургского духовно-учебного округа) // Актуальные вопросы церковной науки: научный журнал. 2019. № 1: Материалы XI Международной студенческой научно-богословской конференции 16–17 мая 2019 г. С. 171–175.
4. Дьяконов К. П. Духовные школы в царствование императора Николая I-го. Сергиев Посад, 1907.
5. Иннокентий (Пустынский), архим. Пастырское богословие в России за XIX век. Сергиев Посад, 1899.
6. Кислова Е. И. “Latin” and “Slavonic” Education in the Primary Classes of Russian Seminaries in the 18th Century // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2015. Т. 4, № 2. Р. 72–91.
7. Котович А. Н. Черты и условия развития русской богословской мысли в эпоху Николая I // Христианское чтение. 1906. № 11. С. 644–668.
8. Лютъко Е. И., диак. Понятие «филаретовское духовенство» в контексте развития пастырского богословия в России на рубеже XIX–XX вв. // Филаретовский альманах. 2019. Вып. 15. С. 43–60.
9. Ростиславов Д. И. Петербургская духовная академия при графе Протасове // Вестник Европы. 1873. № 7. С. 121–187.
10. Смолич И. К. История Русской Церкви: 1700–1917 гг. М., 1996.
11. Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный. Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX — начала XX вв. М., 2007.
12. Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы: вторая половина XIX века. М., 2012.
13. Сухова Н. Ю. Прикровенный период развития исторических методов в литургике (1810–1860-е гг.) // Церковь. Богословие. История: Материалы V Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 2–4 февраля 2017 г.). Екатеринбург, 2017. С. 263–269.
14. Сухова Н. Ю. Служитель Слова Божия в научно-образовательном пространстве и в жизни Церкви: опыт российской духовной школы XIX — начала XX в. // Евангелие в контексте современной культуры: Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) и 140-летию НИУ «БелГУ» (Белгород, 19–20 мая 2016 г.): в 2 ч. Ч. 1. Белгород, 2016. С. 309–316.

А. В. Дружинин

15. *Сухова Н. Ю., Хондзинский П. В., иер.* Пастырское богословие в системе дореволюционного духовного образования на примере Московской духовной академии // *Богословский вестник*. 2010. № 11/12. С. 291–341.
16. *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 2: Протасовская эпоха и реформы 60-х годов. Вильна, 1909.
17. *Федорук В. Н.* Реформа духовно-учебных заведений при обер-прокуроре Н. А. Протасове // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2010. № 2. С. 176–181.
18. *Черный А. И., иер.* Преемство традиции пастырского служения в святоотеческом богословии: Димитрий Ростовский, Тихон Задонский, Филарет Московский // *Филаретовский альманах*. 2019. № 15. С. 7–20.
19. *Freeze G. L.* *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Harvard University Press, 1977.

Andrei V. Druzhinin

THE MISSION OF THE THEOLOGICAL SCHOOL IN RUSSIA IN THE VIEW OF LEARNED CLERGY DURING THE ERA OF NICHOLAS I (1837–1840)

Abstract. The article proposes to consider one of the least studied episodes in the history of pastoral training in Russia — the preparatory phase of transformation of the spiritual-educational system of the 1830–1840s. The aim of the study is to identify a list of tasks of the theological schools according to the ideas of the scholarly priesthood of the era, especially in the context of preparation of the clergy. The relevance of the study is determined by a disputed issue of the purpose of the theological school: the question of who and how, in the final analysis, should be prepared by the theological school is as acute today as in the period under review. The 1814 Charter of theological schools implied two different goals: the training of Church ministers and the education of the clergy's children. It led to the blurring of the goal of spiritual education as a whole. Transformations initiated by Count N. A. Protasov in 1837, largely determined the image of the theological school in the Nikolaevan era, as well as framed the debates about religious education in the 1860s. Moreover, in most of the available studies, historical phenomena and processes are torn out of the intellectual context of the era, which necessitates a study taking into account a wide range of sources related to the spiritual school of the Nicholas I period. The article summarizes the study of “abstracts of theological teachings” made by the rectors of theological seminaries in the context of spiritual-educational transformations of 1837–1840. The projects for a transformation of theological seminaries that were proposed by the rectors, considered the preparation of the shepherd as the main goal of spiritual education for the first time. At the same time, the research has brought out a number of entirely different concepts of the shepherd, which were formed among the learned clergy. The inability to reconcile these concepts ended in disjointed transformations and burdened curriculum, which finally drew criticism of the results of Protasov's reforms as was reflected

in historiography. One can establish that the difference in approach to pastoral training, reflected in the sources, was characteristic of a wide circle of people, including hierarchs and members of the Holy Synod. The results obtained allow to get a more balanced approach to understanding the significance of this period for the history of the ecclesiastical school and church-state relations, as well as to trace an influence of the general processes in the spiritual-educational system on the development of pastoral training of the 19th century.

Keywords: *Russian ecclesiastical school, pastoral theology, pastoral training, history of the Russian Orthodox Church.*

Citation. Druzhinin A. V. Prednaznachenie dukhovnoi shkoly v nikolaevskoi Rossii soglasno mneniiam uchenogo dukhovenstva (1837–1840 gg.) [The Mission of the Theological School in Russia in the View of Learned Clergy During the Era of Nicholas I (1837–1840)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2021, no. 34, pp. 214–231. DOI: 10.24412/2224-5391-2021-34-214-231

About the author. Druzhinin Andrei Vladimirovich — Junior Researcher of the Scientific Center of the History of Theology and Theological Education at St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities (Russia, Moscow). *E-mail: andr.pstbi@gmail.com*

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90062.

Submitted on 13 July, 2020

Accepted on 15 September, 2020

References

1. Aleksin K. V. Uskol'zaiushchii sviashchennik: transformatsiia normativnogo diskursa RPTs o presviterskom sluzhenii [Elusive Priest: Transformation of the Russian Orthodox Church' Normative Discourse on Presbyter Ministry]. *Svet Khristov prosveshchaet vsekh: al'manakh Sviato-Filaretovskogo pravoslavno-khristianskogo instituta — The Light of Christ Enlightens Everyone: Almanac of St. Philaret Orthodox Christian Institute*, 2017, no. 24, pp. 136–169.
2. Chernyi A. I., ier. Preemstvo traditsii pastyrskogo sluzheniia v sviatootecheskom bogoslovii: Dimitrii Rostovskii, Tikhon Zadonskii, Filaret Moskovskii [Succession to the Tradition of Pastoral Service in Patristic Theology: Dimitry of Rostov, Tikhon of Zadonsk, Philaret of Moscow]. *Filaretovskii al'manakh — Philaret's Almanac*, 2019, no. 15, pp. 7–20.
3. D'iakonov K. P. *Dukhovnye shkoly v tsarstvovanie imperatora Nikolaia I-go* [Ecclesiastical Schools in the Reign of Emperor Nicholas I]. Saint Petersburg, 1907.
4. Druzhinin A. V. Bogoslovskoe osmyslenie pastyrskoi podgotovki v period deistviia Ustava dukhovnykh uchilishch 1814 g. (na primere Sankt-Peterburgskogo dukhovno-uchebnogo okruga) [Theological Understanding of Pastoral Training Under the 1814 Charter for Theological Schools (On the Example of the Saint Petersburg Theological and Educational District)]. *Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki — Topical Issues of the Church Science*, 2019, no. 1, pp. 171–175.
5. Fedoruk V. N. Reforma dukhovno-uchebnykh zavedenii pri ober-prokurore N. A. Protasove [Reform of Religious-Educational Institutions Under Ober-Prosecutor N. A. Protasov].

Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk — Middle-Russian Bulletin of Social Sciences, 2010, no. 2, pp. 176–181.

6. Freeze G. L. *The Russian Levites: Parish Clergy in the Eighteenth Century*. Harvard University Press, 1977.

7. Grishin M. I. *Reforma srednikh dukhovno-uchebnykh zavedenii vo vtoroi chetverti XIX veka* [Reform of Secondary Religious-Educational Institutions in the Second Quarter of the 19th Century]. Master's thesis. Moscow, 2017.

8. Innokentii (Pustynskii), arkhim. *Pastyrskoe bogoslovie v Rossii za XIX vek* [Pastoral Theology in Russia in the 19th Century]. Sergiev Posad, 1899.

9. Kazanskii P. S. Mysli i chuvstvovaniia mitropolita Filareta po delu otobraniia litografirovanogo perevoda Knig Vetkhogo Zaveta [Thoughts and Feelings of Metropolitan Philaret on the Case of Withdrawing a Lithographed Translation of Books of the Old Testament]. *Pravoslavnoe obozrenie — Orthodox Review*, 1878, no. 3, pp. 107–140.

10. Kislova E. I. “Latin” and “Slavonic” Education in the Primary Classes of Russian Seminaries in the 18th Century. *Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies*, 2015, vol. 4, no. 2, pp. 72–91.

11. Kotovich A. N. Cherty i usloviia razvitiia russkoi bogoslovskoi mysli v epokhu Nikolaia I [Characteristics and Conditions for the Development of Russian Theological Thought in the Era of Nicholas I]. *Khristianskoye chteniye — Christian Reading*, 1906, no. 11, pp. 644–668.

12. Lyutko E. Poniatie «Filaretovskoe dukhovenstvo» v kontekste razvitiia pastyrskogo bogosloviia v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [The Notion of the “Philaret Clergy” in the Context of the Pastoral Theology in Russia at the Turn of the 19th–20th Centuries]. *Filaretovskii al'manakh — Philaret's Almanac*, 2019, vol. 15, pp. 43–60.

13. Rostislavov D. I. Peterburgskaia dukhovnaia akademiia pri grafe Protasove [The Petersburg Theological Academy During the Time of Count Protasov]. *Vestnik Evropy — The Herald of Europe*, 1873, no. 7, pp. 121–187.

14. Smolitsch I. *Geschichte der Russischen Kirche. 1700–1917*. Leiden, 1964.

15. Sukhova N. Yu. Prirovennyi period razvitiia istoricheskikh metodov v liturgike (1810–1860-e gg.) [The Covert Period of the Development of Historical Methods in Liturgics (1810–1860s)]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istorii: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii (Ekaterinburg, 2–4 fevralia 2017 g.)* [Church. Theology. History: Proceedings of the Fifth International Scientific and Theological Conference (Ekaterinburg, 2–4 February, 2017)]. Ekaterinburg, 2017, pp. 263–269.

16. Sukhova N. Yu. Sluzhitel' Slova Bozhii v nauchno-obrazovatel'nom prostranstve i v zhizni Tserkvi: opyt rossiiskoi dukhovnoi shkoly XIX — nachala XX vv. [The Servant of the Word of God in the Scientific and Educational Space and in the Church Life: The Experience of the Russian Theological School of the 19th — Early 20th Century]. *Evangelie v kontekste sovremennoi kul'tury: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 200-letiiu mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo Makariia (Bulgakova) i 140-letiiu NIU «BelGU» (Belgorod, 19–20 maia 2016 g.): v 2 ch.* [The Gospel in the Context of Modern Culture: Materials of the Fourth International Scientific and Practical Conference Dedicated

Предназначение духовной школы в николаевской России...

to the 200th Anniversary of Makary (Bulgakov), the Metropolitan of Moscow and Kolomna, and the 140th Anniversary of the National Research University “BelSU” (Belgorod, 19–20 May, 2016)]. Belgorod, 2016, part 1, pp. 309–317.

17. Sukhova N. Yu. *Vertograd nauk dukhovnyi. Sbornik statei po istorii vysshego dukhovnogo obrazovaniia v Rossii XIX — nachala XX vv.* [The Spiritual Vineyard of Sciences. Collection of Papers on the History of Higher Spiritual Education in Russia of the 19th — Early 20th Century]. Moscow, 2007.

18. Sukhova N. Yu. *Vysshaia dukhovnaia shkola: problemy i reformy: vtoraiia polovina XIX veka* [Higher Theological School: Problems and Reforms: Second Half of the 19th Century]. Moscow, 2012.

19. Sukhova N. Yu., Khondzinskii P. V., ier. Pastyrskoe bogoslovie v sisteme dorevoliutsionnogo dukhovnogo obrazovaniia na primere Moskovskoi dukhovnoi akademii [Pastoral Theology in the System of Pre-Revolutionary Theological Education on the Example of the Moscow Theological Academy]. *Bogoslovskii vestnik — Theological Herald*, 2010, no. 11/12, pp. 291–341.

20. Titlinov B. V. *Dukhovnaia shkola v Rossii v XIX stoletii. Vyp. 2: Protasovskaia epokha i reformy 60-kh godov* [Theological School in Russia in the 19th Century. Issue 2: Protasov Era and Reforms of the 1860s]. Vilna, 1909.